

A watercolor illustration of various flowers, including large pink and red blossoms and smaller buds, set against a white background. The flowers are rendered with soft, blended colors and delicate outlines. The text is centered over the upper portion of the floral scene.

Ольга Юревич

МАТУШКИНЫ ЦВЕТОЧКИ

Ольга Юревич

Матушкины цветочки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69133393

Матушкины цветочки / Ольга Юревич: Символик; Москва; 2023

ISBN 978-5-6046322-2-2

Аннотация

Эта книга состоит из небольших зарисовок о жизни многодетной семьи. Её автор – матушка Ольга Юревич – мама семерых детей и бабушка многочисленных внуков. Она душевно и искренне рассказывает о том, как они с батюшкой – отцом Андреем Юревичем – пришли к вере, как воспитывали своих детей, как преодолевали различные трудности и учились находить радость в каждом мгновении жизни. Матушкины цветочки – это дети отца Андрея и матушки Ольги. Именно они – главные герои этой книги. Истории из их жизни – порой серьёзные, порой забавные, порой трогательные и мудрые – дают возможность читателю прикоснуться к удивительному миру этой семьи, миру, полному любви и доверия к Богу.

Книга эта о семье и для семьи: она для родителей и детей, для тех, кто уже давно состоит в браке, и для тех, кто ещё только ищет свою вторую половинку. В этой книге вы не найдёте прямых наставлений и советов, но при этом в ней затронуты важные вопросы: о построении семьи и об отношениях между супругами,

о воспитании и понимании детей, о встрече с Богом и обретении веры.

Содержание

Вместо предисловия	10
Часть первая	17
Калерия	17
Лепесток первый	17
Лепесток второй	20
Лепесток третий	21
Лепесток четвёртый	22
Цветок второй	24
Лепесток первый	24
Лепесток второй	25
Лепесток третий	25
Лепесток четвёртый	26
Лепесток пятый	26
Цветок третий	28
Лепесток первый	28
Лепесток второй	31
Лепесток третий	34
Лепесток четвёртый	36
Лепесток пятый	37
Лепесток шестой	38
Лепесток седьмой	39
Лепесток восьмой	39
Лепесток девятый	41

Цветок четвёртый	45
Лепесток первый	45
Лепесток второй	46
Лепесток третий	47
Лепесток четвёртый	48
Лепесток пятый	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Юревич

Матушкины цветочки

3-е издание, исправленное и дополненное

СИМВОЛИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Юревич О., 2023

© Оформление. АНО развития духовно-нравственных начал общества «Символик», 2023

Моему прекрасному мужу и другу, надёжному и верному, заботливому и самоотверженному, который дал мне счастье родить и воспитать всех наших детей, выполняя служение, порученное мне Господом.

Моей старшей образцовой дочке, которая, как маленькая мамочка, помогала нам растить детей и старалась изо всех сил, будучи направляющей птицей в стае детей, понимая, что на неё равняются все. Твоя любовь – отражение любви твоего Отца, да благословит Он тебя настоящим счастьем жены и матери.

Моей горячей, жизнерадостной черноглазой дочке, которая вставала грудью за каждого из нашей семьи и за всех сразу, если к нам приближались печаль и горе. Я люблю наблюдать, как ты превращаешься в прекрасную мать и расцветает в лучах Божией любви.

Моему драгоценному сыну, который без суеты и лишних слов подставляет мне своё мужское плечо, когда мне трудно, и дарит чувство надёжности и необыкновенной нежности. Я верю в тебя – ты так похож на своего папу, когда держишься за руку Небесного Отца.

Моей средней дочке, трепетной и понимающей, которая приносит в нашу жизнь дающую любовь, не разбивающуюся ни о какие камни. Знаю, что ты найдёшь, что ищешь, и Господь напоит тебя, как лань, Своей водой живой.

Моей ласковой, постоянно заботящейся обо мне дочке, которая окружает нас необыкновенной любовью, которая до сих пор делится своими мыслями, советуется и так быстро растёт духовно. Твоя нежность, твои молитвы и твой труд трогают Небесного Отца, так же, как и нас.

Моей всё понимающей синеглазой серьёзной доченьке. Я не устаю удивляться тебе, когда ты молишься, прощаешь, трудишься и достигаешь, когда утешаешь и помогаешь мне, унывающей. Глядя в твои глаза, я вижу любовь Отца.

Моей маленькой дочурке, которая всем всегда дарит подарки, вкладывая в них всё своё сердечко. Ты сама – чу-

десный подарок от Бога, самоотверженная и добрая. Я вижу в тебе прекрасную девушку, в которую ты превращаешься благодаря стольким Божиим благословениям в твоей жизни.

Благодарю Бога, который подарил всех вас и доверил мне вас родить, растить и любить!

Как-то на одной свадьбе я услышал:

– В наше время скажи: «монах!» – никого не удивишь.

Есть монахи, и монастыри возвращаются.

– А вот скажи: «семья!» – и удивятся.

Где семья? Семью найти трудно. Рассыпалась, порушена, опошлена.

Поговаривают даже с телеэкранов, что она – пережиток прошлого. И теперь уже не хранить семейные узы надо, а возрождать из праха, как птица Феникс появляется не из материнского яйца, а из пепла.

Покажи семью – покажешь чудо! Да ещё чтобы семья была «семь я», кроме папы с мамой. Аскеты, подвижники, мученики – прекрасные образцы для подражания в подвиге. Но где образцы семейного благочестия не из книг домостроевских времён, а из сегодняшней жизни? Где образцы не подвигов, а будней? Они есть. Их мало, но они есть. Имеются они и в среде православного духовенства, и не духовенства тоже. На страницах этой книги – такой пример. Пример, могущий вдохновить желающих создать христианский дом не нотацией, поучением и обличем, а светом, сияющим из

будней православной семьи.

Семья – райский сад на этой земле, в ней Богом насаждённые цветы. Семья – это волчцы и терния, произрастающие по родительской вине на земле детских сердец. Семья – естественная, благодатная стихия, в которой начинается жизнь человека. Семья – потерянный рай для тех, кто решил строить счастье без Бога, как самому захочется.

Пусть предложенные читателю материнские строки принесут ему минуты душевного отдыха и затеплят огоньки святого вдохновения жить и созидать, созидать самое святое на земле – христианскую семью. Пусть в Божьем саду не увянут матушкины цветочки. Пусть и читателю захочется, по слову нашего Учителя Христа Иисуса, хотя немного побыть «как дети».

Протоиерей Геннадий Фаст

Вместо предисловия

Всякий раз, когда я возвращалась из Москвы домой в Сибирь, я вспоминала, как тронулся тот самый первый наш поезд, отходящий в никуда мокрым январём 1983 года. Вот проплыли заплаканные и испуганные лица родных и друзей, пришедших на вокзал проводить нас, потом сквозь мокрые от снега стёкла мы глядели на уходящую Москву, потом замелькали огни Подмосковья. Потом я расплакалась. Кинулась к мужу, крепко обняла его и сквозь слёзы спросила:

– Неужели мы всё-таки уезжаем?

Да, мы, коренные москвичи, ехали неизвестно куда за четыре тысячи километров, в страну холода и снега, ссылок и непонятных «кержаков»¹, от города, где мы родились и выросли, где всё такое привычное и исхоженное, от многочисленной родни и ещё более многочисленных друзей, оставляя позади двадцать с лишним лет жизни. Никто не мог понять, зачем мы это делаем, да мы и сами объяснить не могли. Да, Москва как-то утомила, да, мы хотели жить своим умом, да, нам мечталось о большом и интересном деле. Но всё это не то, не то... Сейчас, спустя двадцать лет, я вижу двух горячих молодых архитекторов, взятых чьей-то властной и доброй рукой из уютного гнёздышка и отправленных в

¹ *Кержаки* – одни из первых русскоязычных жителей Сибири; представители староверия и носители культуры северорусского типа. *Прим. ред.*

их первое большое путешествие, главное в жизни. Путешествие, продолжающееся до сих пор. Назовите то, что нас подвигло на него, судьбой, роком, романтикой... Мы называем это Отцом, великим Господом. Это Он взял нас за руки, привёл в Сибирь и совершил самый великий переворот, который может быть в жизни у человека.

Конечно, тогда всё казалось другим. Мы осели в Лесосибирске – молодом лесопромышленном городке, устроились на работу. Муж стал главным архитектором города, а я – просто архитектором, вторым и последним. Нам дали первую в нашей жизни квартиру, и мы водворились в ней с годовалой дочкой. Началась интереснейшая работа над проектированием города. Всё в Сибири приводило нас в умиление: 50-ти градусные морозы зимой и 35-ти градусная жара летом; сугробы в рост человека и поляны жарков² в лесу; грибы, которые срезаешь, пока не стемнеет; клюква и брусника, которые собираешь совками; мощный Енисей и жирные свиньи на главной улице города с объезжающими их автобусами.

Прошло пять лет. Город постепенно обретал своё лицо. На нашем счету было уже много интересных проектов и строек. Родилась вторая дочка, а муж стал членом Союза архитекторов. Единственный некоммунист в Исполкоме, он вызывал интерес и неприятие («чё это он из Москвы, да сюда»), но с ним считались и в конце концов привыкли. Испол-

² *Жарки* – в некоторых регионах Сибири местное название цветкового растения купальницы. *Прим. ред.*

нилась наша мечта жить «на земле»: мы переселились в маленький деревянный домик с огородом. Началась перестройка, и муж ушёл из Исполкома «в свободный полёт» – организовал свой кооператив «Проект». И мы зажили тихой обеспеченной жизнью.

Наступила Пасха 1989 года. По традиции, привитой бабушками-смолянками, я испекла кулич и поставила его на стол. Мы сели вокруг него и задумались. Всё в жизни у нас хорошо: семья, любовь, дети, здоровье, интересная работа, друзья, дом, машина, деньги. Что ещё не хватает? Всё, что желали, сбылось. А на душе так пусто! И вдруг решили съездить в соседний городок Енисейск, освятить в церкви кулич. Но ничего «вдруг» не бывает. Приехали, а в церкви пусто, все отдыхают после ночной службы. Только усталый батюшка сидит на скамеечке и с кем-то беседует. Так мы познакомились с нашим будущим духовником, отцом Геннадием Фастом, нас выносившим, родившим, вскормившим и до сих пор опекающим. Эту встречу я помню как сейчас, а вот всё остальное проносится передо мной какими-то фрагментами. Наверное потому, что жизнь наша понеслась вскачь, съехав с наезженной колеи в чистое поле.

Через год я на девятом месяце беременности погружаюсь в купель, а потом никак не могу вылезти из неё с моим огромным животом, и меня тащат отец Геннадий и муж. Наше венчание осенью: мы в тяжёлых старинных венцах, а под ногами – мешающие девочки, и на руках у какой-то бабуш-

ки – орущий двухмесячный Родион. Помню мои слёзы, когда муж стал неделями пропадать в енисейской церкви, а я – с тремя детьми, без куска хлеба, продаю книги из нашей библиотеки, и на эти деньги да на детские пособия живём, сами не зная как.

Вот я выбегаю из дома с Родечкой на руках и новым животом, потому что меня постоянно рвёт, и плачу, привалившись к берёзе, под окном детской. Почему-то очень хорошо помню, как, отослав девочек с Родей в коляске далеко в гости, встаю на колени перед иконостасом и спрашиваю: «Господи, чего Ты хочешь от меня?». А дети вдруг с полдороги поворачивают домой, врываются в комнату и бросаются мне на шею. Я сержусь, опять выпроваживаю их и опять становлюсь на колени: «Господи, чего Ты хочешь от меня?». И прихожу в себя, понимая ответ Бога.

А вот я встречаю мужа из Енисейска. Поздно. Дети (их уже четверо) спят. Он входит – тихий, серьёзный.

– Мне надо ехать в Красноярск.

– Зачем?

– Рукополагаться в священника.

И уходит в другую комнату. Пока я, оглушённая, пытаюсь что-то понять, он возвращается в подряснике отца Геннадия, который ему узок в плечах.

Через неделю, ранним утром, я слышу звонок в дверь, выбегаю на террасу, вижу мужа и хочу как всегда кинуться ему на шею. Но не могу. Подхожу и беру благословение. Он се-

рьёзно благословляет меня, глядит своими чудесными зелёными глазами и обнимает.

А вот наш первый храм в бывшем свинарнике во дворе дома. Душно так, что часто кто-нибудь падает в обморок, теснота – не перекреститься. В узких дверях – спины, спины. Я стучусь в ближайшую и прошу: «Передайте ребёнка на причастие». Чьи-то руки подхватывают Леру и почти над головами передают её дальше, к солее. Я стучу опять: «Возьмите следующего». Так же над головами проплывает Ксюша. Потом я передаю Родиона, Лиду. Человек поворачивается ко мне опять: «Давай следующего!».

Да, через год у меня была ещё и Фрося. Но в храме уже просторно, потому что он теперь в бывшем кинотеатре «Октябрь». И одновременно начато строительство большого кирпичного собора. Я уже ждала следующую дочку – Сонечку, а весь город ждал собора. Семь долгих лет каждый день батюшка иногда со мною, иногда с детьми, но чаще один ходил на стройку и молился.

И помню день освящения красавца семидесятиметрового собора. Слезы на глазах батюшки, приезд владыки Антония, а я, уже с семьёю детьми, стою в храме. Старшая дочка регентует (дирижирует) хором, в котором поют ещё две дочери, сын в алтаре пономарит, трое малышей около меня, а владыка рукополагает в дьякона нашего зятя Игоря, тоже москвича. «Богатства Сибири Москвой прирастать будут», – эти слова отца Андрея цитируются повсюду, на полном серьёзе,

хотя он, конечно, шутил.

Наступил новый этап в нашей жизни. Перестали рождаться дети, появилась внучка. Я беру её на руки и не могу понять, как это – внучка? Только недавно я держала Павлочку, пеленала, мыла. Нет, не понимаю. Я – бабушка? Но ведь я – «молодая мама». Наверное, я до самой смерти буду в окружении малышей и никогда не почувствую себя праздно́й (так называли в Древней Руси небеременную и некормящую женщину).

В какой-то момент я почувствовала, что во мне живёт книжка. Пришло время, когда она просто родилась – вышла на белые листы бумаги. В ней нет ничего придуманного, она проста, как просты могут быть дети. О детях она и написана. Семь наших детей пишут её до сих пор.

И помню последнюю Пасху. Я испекла куличи, и после ночной службы мы сели за стол. Рядом чуть поседевший мой муж, батюшка, смотрит своими как всегда светящимися глазами, вокруг стола головки с косичками и карими, чёрными, синими и голубыми глазами. Среди них – серьёзные зелёные глаза сына. На руках второго зятя вертится четвёртая внучка Поленька. Я очень устала: забегалась, замоталась, не выспалась. Позади – годы этой усталости, родов, болезней, бессонных ночей. Что впереди? Не знаю. Будет ли легче? Скорее всего, нет. Но все эти годы в душе живут радость и покой. Я их, конечно, не заслужила. Это – неоценимый подарок Бога, ответ на все наши вопросы и нужды.

«Дети – цветы жизни» – этот избитый афоризм не так уж прост. Семь семечек посадил Бог в тёплую благодатную почву нашей семьи. Мы из семечек выращивали цветы, кормили, поливали, окапывали эту рассаду. Но я всегда помнила, что однажды придёт час, когда их – окрепших, вытянувшихся – надо будет пересадить в открытый грунт жизни. Где каждому предстоит расти самому, цвести и приносить свой плод.

Настанет время, когда я встану перед Богом, и нечего мне будет отдать Ему – только мой букет из семи цветков. И я скажу: «Вот я, вот и дети, которых Ты дал мне. Они – от Тебя и Тебе».

Часть первая

Матушкины цветочки

Калерия

Цветок первый

Лепесток первый

Мамин крест

Лерочка³ – наш долгожданный старшенький ребёнок. Вложено в неё больше, чем во всех остальных детей. С ней, маленькой, занимались и я, и её папа историей, астрономией, искусствами и музыкой. Вторая дочка – Ксюша – родилась только через пять лет, поэтому всё это время мы могли себя полностью посвятить общению с Лерой. Остальным детям не досталось и половины того, что имела она. Но надо сказать, что Господь вложил в неё серьёзность и целеустремлённость. Эта серьёзная малышка долго не разговаривала, пугая всех своей внимательной задумчивостью. Потом вдруг заговори-

³ Имена всех семерых детей отца Андрея и матушки Ольги изменены автором.
Прим. ред.

ла целыми фразами и говорила бесконечно, опять же смущая многочисленных бабушек и дедушек. Лучшими её друзьями были (и остаются) книги. Она в пять лет научилась читать, и с тех пор без книжки заставить её было трудно.

Мы с батюшкой, выросшие в неверующих семьях, к вере пришли, когда Лере исполнилось восемь лет. Это был уже сформировавшийся упрямый ребёнок. Наше обращение она не приняла сразу, и долго на нас сыпались её испытующие, иногда довольно трудные вопросы. Но когда они кончились, Лера поверила всем сердцем Богу, по-детски, раз и навсегда, и часто в минуты моего уныния и скорби укрепляла меня и всех младших детей. До сих пор передо мной стоит образ маленькой, с двумя косичками и серьёзными фиалковыми глазами девочки, которая в далёком прошлом помогла мне понять моё предназначение, мой крест и мою радость...

Я осталась в воскресенье дома. Родился Родион, церковь далеко – в другом городе. С утра варю, убираюсь, кормлю маленького. Очень устала. Родион спит плохо, почти все ночи у меня бессонные. А днём отдыхать некогда – столько дел с тремя детьми. Все бабушки и дедушки живут в Москве, помощников нет, вот и кручусь с маленьким сыном на руках одна. Ещё только ранний вечер, а устала так, что все мысли о том, как бы скорее лечь спать.

Вот наконец вернулись папа с двумя старшими девочками. После службы в церкви они были ещё в воскресной школе, поэтому оказались дома только вечером. Младшая Ксю-

ша бежит в детскую комнату к своим игрушкам, а девятилетняя Лерочка усаживается ко мне поближе и рассказывает о поездке, службе, воскресной школе. И вдруг замечает, что я её почти не слушаю.

– Мамуль, ты что?

– Ничего, я просто устала.

– А почему у тебя глаза заплаканные? – упорствует Лера.

Я не выдерживаю и опять плачу.

– Родя всю ночь не спал, кричал. Я так устала без отдыха трудиться, сил уже никаких нет, никаких! – вырывается у меня.

Лера берёт мою руку в свои маленькие ручки.

– Мам, я расскажу тебе одну историю, нам в воскресной школе читали, ты послушай. Один человек нёс по жизни свой крест. А крест был очень тяжёлый. Несёт он и стонет, несёт и стонет. И чувствует – не может больше нести, так устал. Взял он и отпилел кусок креста. Попробовал – легче стало, и пошёл дальше. Даже быстрее пошёл. Даже обогнал одного, тоже с тяжёлым крестом. И вот к концу жизни дошёл он до рая. И видит: перед ним врата райские открываются, ангелы поют. Двинулся он было к раю, а прямо перед ним ров глубокий, а внизу – тьма. Оглянулся – ничего нет, чего бы через ров перекинуть. Тогда взял он свой крест и перебросил его через ров. И встал крест в распор – тютелька в тютельку. Пошёл человек по кресту, а крест качается. Качался, качался и обвалился. И упал человек прямо в тьму, в

геенну огненную. Прошло какое-то время, и подходит к раю тот человек с крестом, которого первый обогнал. Еле дошёл от тяжести. Видит: врата рая перед ним открываются, ангелы поют, а перед вратами ров, а во рву – геенна огненная. Оглянулся – нет ничего через ров перебросить. Перекинул он тогда свой крест через ров. А крест большой, тяжёлый – лёг, как мост. И перешёл по нему человек ров и вошёл в рай. И врата райские за ним закрылись.

– Мамуль, не отпиливай свой крест. А мы тебе помогать будем! – И Лера идёт мыть посуду.

Лепесток второй

Парад

Лера – лучшая ученица в классе. Приближаются октябрьские праздники. Учительница подводит итоги по результатам учёбы в первой четверти. Лучший ученик будет награждён загадочным белым конвертом. Каждый старается как может. И вот результаты подсчитаны, и на классном часе учительница торжественно объявляет фамилию лучшего ученика. Им оказывается Лерочка. Учительница вручает белый конверт, и Лера идёт на своё место.

– Нет, Лера, ты должна у доски вскрыть конверт, – немного обиженно говорит учительница.

Лера возвращается к доске и вскрывает конверт. Оттуда выпадает пригласительный билет на праздничный парад

в честь Октябрьской революции. На парады эти никогда не ходят ни её папа, ни мама, и считают их не праздниками, а днями скорби.

– Ну, что скажешь? – довольно спрашивает учительница.

– Как на парад, идём мы прямо в ад, – отвечает Лера и опять идёт на своё место.

Лепесток третий

Меня Бог создал

Дети в школе знают, что Лера – верующая. В школе она такая одна, и её часто дразнят. Вот и сегодня я опять выслушиваю Лерочкин рассказ:

– На перемене Юля из параллельного класса начала ко мне приставать и доказывать, что Бога нет. Ей папа сказал, что люди от обезьяны произошли, а папа у неё очень умный. Вокруг нас ребята со всех классов столпились, кричат, на меня пальцами показывают. И Юля кричит: «Мы от обезьян произошли, от обезьян!».

Я встревожена. Боюсь, что Лера в свои восемь лет не смогла достойно ответить, может быть, даже ввязалась в драку.

– А ты что сделала? – спрашиваю я.

– Мам, ты не волнуйся. Я не ругалась. Я очень спокойно сказала: «Хорошо, Юлечка, ты, если хочешь, приходи от обезьяны, а меня Бог создал».

– И дальше что? – с ужасом говорю я.

– Дети засмеялись и стали кричать: «Юлька – обезьяна!». А Юля кинулась на меня драться, – обиженно отвечает Лера.

Лепесток четвёртый

Многодетная Россия

Лера уже взрослая девушка. Окончила школу с золотой медалью и едет в Москву поступать в институт. Я переживаю, перед расставанием даже падаю духом. Почему-то так жалко эту маленькую (полтора метра) девушку, выходящую в самостоятельную, такую тяжёлую жизнь.

– Лера, может, тебе лучше пойти в монастырь?

– Это почему?

– Не знаю, как раньше, но сейчас женщине в монастыре легче, чем в семье. Мне так кажется. Почти каждый год рожать, растить, тянуть всю эту «команду». Нет, в монастыре легче.

– Мам, ты что? А кто Россию спасти будет? – возмущённо отвечает Лера, и больше мы к этой теме не возвращаемся.

Как-то я спросила Леру: «Сколько же у тебя будет детей? Семь, как у меня?».

– Конечно, нет. (*«Ну вот», – подумала я.*) Намного больше! – закончила фразу Лера.

Конечно, мы понимаем, что рождение детей зависит не от нас, а от Бога. Но готовность принять все те души, которые Бог поручает вырастить, – это уже наша свободная воля. Во-

ля, основанная на любви.

Цветок второй Ксения

Лепесток первый Нескучное имя

Ксения – полная противоположность старшей, серьёзной Лере. Жизнерадостная, крепенькая, вечно бегущая, поющая, неумолкающая черноглазая и румяная малышка. Быстро взрывающаяся и тут же остывающая, увлекающаяся наша «Ксюка» – как она себя в детстве называла. Маленькая, она очень на нас обижалась за то, что мы назвали её «скучным» именем Ксения.

– А как ты хотела бы называться? – поинтересовалась я.

– Яздундокта! – выпалила Ксюша и, подумав немного, добавила: – В крайнем случае, Снандулия!⁴

⁴ Снандулия (Яздундокта) Персидская, праведная – благочестивая христианка, богатыми средствами много помогавшая узникам-христианам, заключённым в темницах Персии при правителе Шапуре II. *Прим. ред.*

Лепесток второй

Про пингвина

Четырёхлетняя Ксения возвращается из воскресной школы и с порога спрашивает:

– Мам, а пингвин – парнокопытный?

У меня от изумления падает на пол кастрюля.

– Да зачем тебе?

– Ну как же! – отвечает Ксюша. – Нам сегодня в воскресной школе читали про чистых и нечистых животных (*в воскресной школе один учитель на двадцать пять детей, от четырёх до семнадцати лет. – Прим. авт.*). Кого есть можно было, а кого нельзя. Так он парнокопытный?

– Да нет. Но пингины у нас всё равно не водятся.

– А если его нам в панихидке принесут (*пожертвуют. – Прим. авт.*)? – задаёт вполне резонный вопрос Ксюша.

Лепесток третий

Азы священной истории

С детишками занимается батюшка. Девочки уже лежат в кроватках, Родион в колыбельке. Папа читает главу из «Священной истории», потом задаёт вопросы. Старшая всезнайка Лера отвечает на вопросы отлично. Ксюша старается тоже. Вопрос:

– Кем по профессии был Иосиф Обручник?

Ксюша, довольная тем, что знает:

– Плотником.

– А что он делал? – спрашивает папа.

– Плоды сторожил! – бойко выкрикивает Ксюша.

Лепесток четвёртый

Предостережение

Все вернулись из церкви и занялись своими делами. Маленькая Ксения всё ещё находится под впечатлением службы, надевает на себя какой-то длинный халат, из детской сумочки мастерит кадило и начинает ходить по комнате, изображая дьякона. Так продолжается довольно долго. Все угомонились, я на кухне готовлю обед, и вдруг в абсолютной тишине из детской раздаётся торжественный Ксюшин басок, советующий:

– Не упивайтесь вином, в нём же есть блу-у-уд!

Лепесток пятый

Простое русское имя

На сей раз я провожу викторину со старшими детьми. Ксюшу прошу назвать простое, самое распространённое русское имя. В ответ слышу:

– Сарра!

Тут остаётся только всплеснуть руками.

– Но почему же Сарра?

– Сарра была женой кого? Авраама! А Авраам был верующий – значит, православный. А если православный, то русский. Значит, и Сарра – простое русское имя.

Как тут поспоришь? Да ещё с ребёнком четырёх лет.

Цветок третий

Родион

Лепесток первый

Чудо

Родион – единственный мальчик в нашей семье. Часто девочки объясняют этот прискорбный факт тем, что второго такого мы бы не выдержали. С самого рождения он куда-то бежит, где-то хозяйничает, постоянно падает и разбивается.

В доме очень тесно. Две небольших комнатки на всех и между ними проходная кухня. Все кровати – двухъярусные. Мебель стоит вплотную, и поэтому со второго яруса кровати можно перешагнуть на шкаф, оттуда прыгнуть на дверь, прокатиться на ней и свалиться на диван. Этим и занимается детвора. Родион – самый бесстрашный. Не думая, совершает этот бесконечный аттракцион, пока я с маленькой Лидочкой на руках вожусь по дому.

Однажды слышу испуганный крик Леры, вбегаю в детскую – и на моих глазах Родя вниз головой летит со шкафа и с глухим стуком падает на пол. Я жду страшного крика, но стоит мёртвая тишина. К горлу подкатывает тошнота. Подбегаю к маленькому скрюченному тельцу, поднимаю на ру-

ки. Глаза открыты, рот тоже не закрывается. Лицо белое-белое – никогда такого не видела. Несу Родю на кровать. Начинаю тормошить, плакать. Девочки стоят рядом, притихшие. Батюшка далеко в Москве, только что уехал и вернётся через месяц. Вижу, что Родя смотрит на меня, спрашиваю:

– Больно?

Прикрывает глаза – «да».

– Где, Родя?

Тянет ручку к голове. Рот так же открыт, не закрывается, сам всё такой же белый. Я не могу больше, ухожу в другую комнату, плачу, молюсь. Немного успокоившись, возвращаюсь, вливаю в открытый ротик глоток крещенской воды, мажу головку маслицем от мощей святого Серафима Саровского. Медленно тянется время. Час, другой, третий – всё то же, никаких изменений.

Девочки начинают хныкать, просить есть. А я сижу около Роды, и ужин, естественно, не готов. Тогда открываю банку рыбных консервов, нарезаю хлеб и здесь же, около кровати, кормлю девочек. Вдруг Родя тянет ручку ко рту, тоже хочет есть. Я, обрадованная, сую ему в открытый ротик кусок рыбы, и тут же у него начинается рвота. Как-то медленно из рта выползает что-то густое и чёрное. Я уже не выдерживаю и бегу к соседке через улицу, у которой есть телефон – звонить в Москву бабушке. Но соседка, узнав, в чём дело, берёт всё в свои руки и вызывает «Скорую».

Пока я иду домой, подъезжает машина, и вместе с по-

жилой женщиной-врачом мы входим в дом. Навстречу нам весело выбегает Родион, жуя яблоко. Я понимаю, что меня ждут объяснения за ложный вызов. Но опытный врач усаживает меня на диван и заставляет рассказать всё, как было. Обо всём случившемся я рассказываю ей, и слышу в ответ тревожный голос:

– Немедленно в больницу! Необходимо сделать снимок черепа. В лучшем случае – сотрясение мозга, в худшем – черепно-мозговая травма.

Понимая каким-то чутьём, что Родя спасён, и ничего этого уже не надо, пытаюсь отказать: «Я не могу, в моём положении...» (я на седьмом месяце беременности, на руках маленькая Лида). Врач обещает, что мы всё равно окажемся к утру в больнице с ухудшением состояния сына.

– По крайней мере, не давайте ему есть, можно чуточку воды, – получаю совет на прощанье.

Надо ли говорить, что всю ночь я не спала, бегала к кровати Роди и слушала, дышит ли он? А утром, обойдя его тарелкой каши, я услышала возмущённый рёв. И, махнув рукой, начала кормить сына.

Этим же утром к нам заехал участковый врач, увидев отметку о вызове скорой помощи в журнале. Мне пришлось уже в третий раз пересказывать ужасную историю и выслушивать о моём «неразумном поведении». В конце концов элемент чуда врачом был всё-таки признан, но он всё никак не мог найти этому чуду объяснение.

А дальше происходит следующее.

– Что же спасло его? – спрашивает врач.

И тут Родечка, вертевшийся у нас под ногами, выбегает из комнаты и возвращается с маленькой иконой святого целителя Пантелеимона, своей любимой, с которой он пролежал на кровати эти страшные три часа. Суёт икону врачу.

– Красивое лицо, – задумчиво реагирует наш врач и уходит.

Позже, успокоившись, я говорила детям об ангеле-хранителе: как он подставляет свои могучие крылья, когда ребёнок падает, и спасает от верной смерти.

А ещё день спустя я, стоя, как всегда, у плиты на кухне, слышу тоненький Родин голосок:

– Прыгай, тебя Ангел поймает!

Придерживая живот, бегу в детскую и вижу на том же самом шкафу маленькую Лидочку (и как забралась?) в полной готовности к прыжку.

– Стой! – кричу я и дрожащими руками снимаю её со шкафа.

Вечером провожу беседу на тему: «Не искушай Господа Бога своего».

Лепесток второй

Сказау – и сказау

Чудесный человек есть в нашей церкви. Тридцатитрёхлет-

ний Андрей. Всех нас ласково называет сестричками, никогда никому ни в чём не откажет, ходит на все службы. Часто приходит ко мне, предлагает свою помощь.

Я, конечно, с радостью её принимаю. Батюшка целыми днями и ночами в делах и заботах, единственный мужчина в доме – четырёхлетний Родион. К тому же есть возможность человека накормить и поделиться семейным теплом (Андрей живёт один в общежитии, родители далеко).

Как-то раз, в понедельник, Андрей установил в сервант вместо разбитого детьми стекла лист ДВП и сидит на кухне, ест домашний борщ. Андрей, немного странноватый, рассказывает, как вчера ходил после службы на кладбище гулять и увидел свою могилу.

– Свою? – переспрашиваю я.

– Ну, нет. Имя, отчество – мои, а фамилия не моя. Год рождения опять мой. И так грустно стало: вместо креста на пирамидке звезда. Я написал на листочке: «Мама, поставь мне крест!» – и сунул его за табличку.

Слушать это было жутковато. А на следующий день в церковь приехали люди с работы Андрея и рассказали, что он погиб. Во время припадка (Андрей страдал чем-то вроде эпилепсии) он упал и стукнулся виском об угол стола.

Хоронили его наш приход и организация, где он работал. Причём на работе ему приобрели пирамидку со звездой, но после рассказа о том, какую записку он написал накануне, на могилу поставили большой деревянный крест, сделанный в

церкви. От родителей пришла телеграмма, что приехать на похороны они не могут. Андрея все очень любили, и на отпевание и поминки собралось много народа.

Шёл Великий пост. Служба каждый день, усталость, масса дел. На девятый день помянули Андрея в трапезной и разошлись. У меня ещё мелькнула мысль рассчитать сороковой день, но понадеялась на прихожан – столько их было на отпевании.

И вот как-то в воскресенье я собираю детей в церковь, а Родион вдруг говорит:

– Вари коливу (*так он называл кутью.* – Прим. авт.).

– Зачем?

– Андрей говорит: «Ешьте коливу – меня вспоминайте».

– Какой Андрей? У него кто-то умер? (*у нас в приходе несколько Андреев.* – Прим. авт.)

– Да нет, наш Андрей. Он сам умер.

Я с недоверием посмотрела на Родю. Но всё же рассказала батюшке. Тот сказал, чтобы сварила кутью и отнесла в церковь:

– Помянуть никогда не лишне.

Я сварила и пришла в церковь с мисочкой поминальной кутьи. Там подошла к одной «церковной бабушке» бабе Шуре и спросила, когда сороковой день со смерти Андрея. Баба Шура всплеснула руками:

– Да вчера было!

– А Андрея помянули?

– Какое там! Три службы подряд, замотались.

– Ну хоть кутью-то сварили?

– Нет...

Я протянула мисочку:

– Вот, Андрей просил кутью кушать и его поминать.

Придя домой, я долго тормозила Родиона:

– Как Андрей тебе про кутью сказал?

– Пришёу и сказау! (*Родечка не выговаривал букву «л».* –

Прим. авт.)

– Но как?

А он непонимающе смотрел на меня своими зелёными глазами и всё повторял:

– Ну, сказау и сказау.

Лепесток третий Господи, Ты знаешь!

Родион всегда удивлял нас. Он не особый фантазёр, довольно замкнутый и молчаливый мальчик, хотя и сорванец. Но в свои три-четыре года он иногда говорил такое, что мы понимали: для него открыт мир, который для нас (да и для всех) является закрытым. Случай с Андреем был далеко не единственным.

Как-то Родя приболел и лежал в кроватке. Вообще, он болел всегда без каких-либо капризов и слёз. Тихо лежал, сложив руки на груди, держал любимую икону святого целителя

Пантелеимона и приговаривал:

– Грешиу, грешиу. Теперь лежи, Родя, не греши.

Но однажды я услышала громкий плач и, подойдя к его кровати, увидела, что он просто заливается слезами.

– Что ты, Родя? Тебе так плохо?

И вдруг он начинает взахлёб просить:

– Мама, молись за бабушек!

– За каких бабушек?

– Которых мы с папой отпевали. *(Родя с трёх лет ходил с папой на отпевания, кое-где помогал, зажигал свечи, подавал кадило. – Прим. авт.)*

– Да что такое? – пугаюсь я.

И тут Родя начинает рассказывать:

– Ты думаешь, когда бабушек в гробу в землю опускают, они там остаются? Нет, они глубже проваливаются, падают, падают и так кричат!

И опять просит:

– Молись за них, молись!

– Но я не знаю их. Это вы с папой отпевали. Ты сам помолись.

– Да я молюсь, а они всё равно кричат.

Пришлось мне встать на колени прямо около кровати и молиться:

– Господи, Ты сам знаешь, за кого я молюсь. Прости их, спаси и пощади.

Так мы с ним вдвоём и молились. А когда он немного

успокоился, то рассказал, что те бабушки, которые верующие были, после отпевания в земле тоже не остаются, падают. Только не вниз, а «на небо».

Лепесток четвёртый

Маленький священник

На Пасху мы со старшей Лерой подарили Родиону сшитую из старого материала маленькую розовую ризу. Уж очень он любит играть, как будто он священник в церкви. Риза очень понравилась Роде, и в скором времени я услышала из своего «кабинета»-кухни: «Служба началась».

Родион в новой ризе, в руках кадило (вязаное кашпо), Лера и Ксюша поют на клиросе. Родион даёт возглас:

– Господу помолимся!

Девочки, красиво, на два голоса:

– Господи, помилуй!

Родион опять:

– Господу помолимся!

Девочки опять очень красиво:

– Господи, помилуй!

И так раз пять подряд. Родечке четыре годика, больше, видимо, он ничего не запомнил. Лерочка шёпотом подсказывает брату:

– О граде сем Господу помолимся.

Родион твёрдо возглашает:

– Господу помолимся.

Девочки отвечают, а Лера шепчет опять:

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.

И тут Родион тихо спрашивает:

– Кто здесь священник?

– Ты, Родечка.

– Тогда, Господу помолимся!

И опять бесконечно слышится тот же возглас и красивое пение послушных «маленьких женщин».

Лепесток пятый

Любовь и ненависть

Можно подумать, что Родион – этакий маленький мужичок с большим самомнением. Но это совсем не так. Он на редкость критично к себе относится. Даже в письмах бабушке и дедушке в Москву неизменно подписывается «ваш грешный внучок Родион». И хотя мне он доставляет массу хлопот, иногда обиду и слёзы, но никогда не заснёт, не раскаявшись, не омыв слезами свои грехи и не выпросив себе прощения.

Вот я после довольно тяжёлого дня, расстроенная и, в общем-то, сильно обиженная, подхожу к его кровати, чтобы благословить на ночь. И вдруг в темноте чувствую, как со второго яруса ко мне метнулось худенькое тело, а ручки об-

вили шею. Родя горько плачет, приговаривая:

– Прости меня. Как я тебя сильно обижаю!

– Зачем же ты делаешь это? Ведь ты меня любишь?

– Я очень тебя люблю. Я не хочу обижать, а всё обижаю и обижаю. А вот *он* тебя не любит и мне говорит.

– Да кто *он*? – непонимающе спрашиваю я.

– А бес. Он тебя не любит.

Потом помолчал и шёпотом добавил:

– А папу ненавидит.

Лепесток шестой

Хитрец

Родион хорошо помнит, как он был маленьким. Недавно рассказал, будто помнит, как он был у меня в животе:

– Было всегда темно, а потом вдруг становилось светло.

Это ты вставала на солнышко.

Часто он вспоминает, как маленьким упал со шкафа. Это вспоминается тогда, когда я ругаю его за плохие отметки.

– Что ты хочешь? Ведь я упал со шкафа, стукнулся, а теперь ничего не понимаю.

Но вот он принёс пятёрку за сочинение по литературе, и я вспомнила его любимое оправдание:

– Вот видишь! Всё ты понимаешь, просто ленишься. А ты

– «упал, стукнулся».

– Да нет! Это я по математике стукнулся, а не по русскому.

Лепесток седьмой

Пастушок

Родечка подрос. Стал серьёзнее. И разговоры у нас тоже серьёзные.

Приближается Рождество. В гимназии идёт подготовка к Рождественской ёлке. Распределяют роли. Родион, вернувшись домой, подсел ко мне.

– Мама! Я уже четвёртый год всё пастушок да пастушок. Костя – воин, Сашка – фарисей. А я всё пастушок. Почему?

Я вижу его расстроенное лицо и пытаюсь утешить:

– Может, ты вырастешь и станешь пастухом.

– Это как?

– А вот как. Священник – это пастух своего стада. А мы все – овечки у него. На Западе священника так и зовут – пастор. Вот и будешь ты таким пастухом. И поведёшь своё стадо вперёд и вперёд.

Родион, подперев щёчку, грустно вздыхает:

– Ох, куда же я их заведу...

Лепесток восьмой

Полегче?

Эта история произошла в те времена, когда, кажется, вся Россия жила по талонам. Сначала, по приезде в Сибирь, мы

оказались в городской системе распределения земных благ: на месяц каждому выдавалось по килограмму мяса, двести грамм сливочного масла и банке сгущёнки. Но потом к этому пайку постепенно стало добавляться всё больше и больше продуктов, и не только их. Выделялись папиросы (по пачке), мыло (по штуке), даже водка (по бутылке), при этом учитывалось и количество детей. Очереди в конце месяца были нескончаемыми. А полученное на месяц для нашей выросшей семьи не умещалось и в пяти сумках.

За «отоваркой» я пошла со старшими девочками и полугодовалым Родей на санках. Идти надо было в определённый магазин за квартал, минут двадцать, а там ещё отстаивать с детьми очередь. На обратном пути девочкам досталось нести довольно тяжёлые сумки, а я тащила санки с Родей. Оставшиеся сумки, сколько смогла, разместила на тех же санках. Идти далеко, снег мешает, холодно и очень тяжело. Девочки захныкали. «Господи, пусть нам будет полегче!» – взмолилась я и предложила петь. Втроём мы запели «Господи, помилуй», и сразу стало легче. Идём и поём.

И вдруг, оглянувшись, я увидела, что везу только одни сумки, а сына на санках нет. Что делать? Девочки побросали сумки, стоят и растерянно смотрят на меня. Я побежала назад. Свернув в боковую улицу, в конце её заметила небольшую кучку народа. Подбегаю и вижу, что лежит мой малыш в пальтишке и валеночках на спине, плачет жалобно, снег ему в рот падает, а люди вокруг спорят, что делать и чей это

ребёнок.

– Это мой! – кричу я, подхватываю Роденьку и, прижимая его к груди, иду обратно.

Этот случай мы часто со смехом вспоминали в нашей семье. Поэтому неудивительно, что спустя пятнадцать лет Родя написал об этом рассказ на конкурс «Святость материнства», объявленный среди детей Красноярского края. Довольно точно он описал дорогу из магазина домой, как зашныкали девочки. Как я взмолилась, чтобы нам стало полегче, и стало легче. Как санки оказались пустыми и я побежала его искать. И как нашла лежащим посреди улицы. И вдруг... «Мама схватила меня и пошла домой. Не знаю, просила ли она ещё Бога, чтобы было полегче. Наверное, нет. Она никогда не жила для себя, а всё для нас». Рассказ свой сын так и назвал: «Боже, пусть нам станет полегче».

Все эти годы, рассказывая эту смешную историю, я не особо придавала значение случившемуся и ни разу не задумалась о её глубоком смысле, который открыл для меня мой подросший сын.

Лепесток девятый

Сладкие слёзы

Всю свою жизнь я старалась жить ради семьи. Диплом в институте защищала с десятидневной Лерой, потом, не успев выйти на работу, уехала с мужем в Сибирь. Там я смогла по-

работать всего три года архитектором и опять ушла в декрет с Ксенией. Ещё один год я работала до рождения Роды, а потом уже окончательно ушла в «хронический» декрет. Каждые полтора-два года у нас рождалось по ребёночку, и на работе я оказалась только тогда, когда исполнился годик последней дочке Павле.

Дело в том, что наш приход открыл православную гимназию (то есть общеобразовательную школу, но с христианским направлением образования). Гимназия должна была оправдать своё призвание, а значит, в ней должны были быть такие предметы, как греческий, латинский, мировая художественная культура. Вот по МХК как раз и не нашлось подходящего специалиста в нашем маленьком городе. Пришлось мне работать, хотя и всего два дня в неделю по несколько уроков. Зарплата, соответственно, мизерная, зато сплошное беспокойство о маленьких детях, оставленных дома одних.

И вышло так, что к пятидесяти годам (в районе, приравненном к Крайнему Северу, это пенсионный возраст для женщины) я оказалась без стажа и без зарплаты. Обратившись со всеми документами в пенсионный фонд, я получила расчёт моей социальной пенсии на сумму 1100 рублей и слово «пожизненно» в конце расчёта. Насколько я знаю, социальную пенсию получают тунеядцы, всю жизнь прожившие и провалявшиеся под забором. К таким вот «бичам» (сибирское словечко, означает то же, что и «бомж») я и оказалась приравнена. А 100 рублей мне прибавили к пенсии как льго-

ту женщине, родившей пять и более детей.

Вообще-то, стало обидно. Труд архитектора я вспоминала как недостижимый для меня отдых, а все последующие годы, трудясь дома, я не имела ни выходных, ни отпусков и никакой, естественно, зарплаты. Советские ордена и льготы многодетным были уже отменены, а 2008-й – Год семьи, с его наградами и льготами, ещё не наступил. Осталась я с «1100 руб. пожизненно».

И я всплакнула. Больше от обиды и непонимания, чем от самой мизерной пенсии. Успокоившись и вытерев глаза, вышла на кухню трудиться дальше. Но от наших детей не так-то просто что-то скрыть. Мгновенно я была ими окружена, и меня стали тормошить и требовать рассказать, кто меня обидел и зачем я плакала. Отбиваться долго не было сил, и я сказала:

– Вот, моя страна решила, что я ничего в своей жизни не сделала, и теперь пенсия у меня будет, как у бичей, которые, вон, на улице подаяние просят.

Дети замолчали, подумали и надулись. Я решила, что это они за меня переживают и тоже обиделись на государство. Но вдруг услышала:

– Ты что, на пенсию надеешься? Всю жизнь нас всех растила, неужели мы о тебе в старости все не позаботимся? Как ты можешь об этой пенсии плакать?!

Я опешила. Сколько себя помню, все вокруг «об этой пенсии» заботились, оформляли и только о ней и говорили. Я

всегда думала, что это так важно! Я привыкла надеяться на неё! Мои дети, как часто вы оказываетесь мудрее, чище, правильнее, я никогда не устану учиться у вас!

Мой сын растолкал кучку сестёр и сделал шаг вперёд:

– Всё, всем молчать! Я – единственный сын в семье. Я маму кормить буду!

Я опять плакала, но эти слёзы были такие сладкие...

Цветок четвёртый

Лида

Лепесток первый

«Ворононь»

Лида – это наша с батюшкой услада. Тихая, кроткая, любящая, трудолюбивая девочка, которая каждый день молится: «Господи! Дай мне дать!». Чудесный, нежный цветок. Наверное, в каждой многодетной семье есть такой «Божий подарок». Всё в этом ребёнке радуется. Но есть в ней какая-то «ворононь», вроде: «Экая ты ворона. Опять всё забыла и перепутала!».

Понятно, что это происходит от её задумчивости, самоуглублённости, но довольно часто она подводит кого-то из нас или даже всю семью.

Однажды в первый день Великого поста батюшка собрал всех детей и перед тем, как благословить их на пост, каждому указал, с каким главным пороком ему надо бороться. Тут были и гордость, и лень, и враньё, и непослушание. Лидочке батюшка долго втолковывал, что нельзя быть такой рассеянной, разбросанной и подводить всех вокруг себя. Лида с большим вниманием выслушивала папины поучения и смот-

рела на него с такой решимостью, что я внутренне за неё порадовалась.

Наконец кончились наставления всем, включая маленькую Павлочку. Детишки вереницей потянулись к папе под благословение. Получив его, побежали к себе.

Последней медленно идёт Лида. Не дойдя до комнаты, вдруг возвращается.

– Папа! Я обязательно буду бороться со своим главным грехом! Только я забыла – с каким?

Лепесток второй

Отпетая кукла

На сей раз Родя с Лидой дома вдвоём, не считая меня (Роде четыре года, Лиде – два с половиной). Оборудовали детскую комнату под церковь. Родион надел свою розовую ризу. Даже сделал из воды и хлеба причастие. А Лидочка – многодетная мама. Собрала своих и чужих кукол, надела им платочки и всех принесла на «службу».

А служба идёт. Вот Родик вышел причащать, и Лида одну за другой подносит своих кукольных деток. Я на кухне слышу, как довольно долго длится это действие. Осталась последняя кукла с синими волосами, новая, дорогая, только недавно подаренная дедушкой. Лидочка интенсивно её трясёт и не подходит к причастию.

– Ты что? – спрашивает Родион.

– Она пачет.

– Почему плачет? Причащать не буду, пока не успокоишь.

На какое-то время воцаряется тишина.

– Ну как?

– Всё пачет.

– Ну, успокой.

Спустя пять минут.

– Что?

– Всё пачет.

– Тогда ложь (*клады. – Прим. авт.*). Отпевать буду.

Из комнаты раздаётся протяжное «Со святыми упокой», и вот оба выбегают ко мне на кухню и буквально брякают об стол коробку с синеволосой куклой.

– Что вы мне тут бросили? Уберите сейчас же!

– Это мы её похоронили. Нам некогда, мы ещё службу не закончили.

Убирая вечером коробку с куклой, я вдруг обнаружила, что голова её почти отвалилась. Резиновая шея лопнула так, что и не заклеить. Постояв немного с коробкой в руках, я понесла её на помойку «хоронить», пока дети спят.

Лепесток третий

Богословы

Уже вечер. Дети легли спать в кровати. У меня наступило время, когда я могу с большей эффективностью заняться

делами. Я у «рабочего станка» – на кухне. У Роды с Лидой в темноте идёт тихое перешёптывание на волнующие темы.

Родя:

– Лида! А я решил больше не грешить.

– Здорово, Родя!

– Ну и ты не греси.

– А я не могу, всё грешу, – вздыхает кроткая Лидочка.

– Вот я не буду грешить, – развивает тему Родион, – и у меня крылья вырастут.

– Как у ангела?

– Как у ангела!

– Ой, здорово! И в церковь опаздывать не будешь.

Молчание. Вздох Лиды. Родя переходит в наступление:

– А ты тоже возьми и не греси.

– Не могу я.

– А тогда окажешься в аду. Там страшно и огонь горит.

– А может, там не так страшно?

– Попадёшь – узнаешь! – отрезает Родя, и, спустя немного времени, я слышу ровное дыхание двух моих спящих богословов.

Лепесток четвёртый

Маленькая хозяйка

Я уже упоминала о моём труде в гимназии, когда не нашлось учителя по МХК. А я окончила Московский архитектур-

турный институт, и батюшка попросил выручить гимназию. Я долго отпиралась. И лишь тогда, когда отец Андрей очень строго меня благословил быть учителем, я стала им.

Трудно было очень. Маленьких детей – Фросю, Соню, Павлу – приходилось оставлять дома одних и убегать на уроки. Иногда, когда дома оставалась Лидочка, я была за малышей спокойна. Конечно, на перемене старалась быстренько позвонить домой.

– Лидонька, лапонька, как вы там?

– Всё хорошо! – раздаётся тоненький голосок.

– Детей накормила?

– Да.

– Павлочке суп протёрла?

– Протёрла.

– Как она ела?

– Хорошо. Всё съела и укакалась.

– Ты её помыла?

– Помыла.

– Баиньки уложила?

– Да.

– Давно?

– Уже час спит.

– Ну, молодец! Я скоро приду.

– Ага... А кто это?

Лепесток пятый

Ой!

Когда Лидочка пошла в школу, у нас родилась Павла. Все детки лет до трёх-четырёх плохо спали, мне приходилось почти всю ночь качать, пеленать, успокаивать. А потом наступал новый день, когда надо было начинать домашние дела: готовить завтрак, обед, ужин, кормить, поить, – и никто, кроме меня, этого делать не мог.

Бог посылал мне иногда помощь – добрых друзей, которые подхватывали домашнюю работу, когда она уже «вываливалась» из моих рук. Но что было труднее всего – так это постоянное недосыпание. Только ребёночек начинал сносно спать, рождался следующий, потом следующий. Рай я себе представляла так: зелёная-зелёная трава, на ней белая-белая кровать пять на пять метров, и я сплю, сплю... Сто лет, двести, пятьсот – пока не выплусь. Однажды я открыла свои мечтания мужу, а он ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.